

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Сергея Борисовича Егорова «Традиционная культура южных вепсов», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности – 07.00.07 – этнография, этнология и антропология

Изучение различных подразделений этноса, выработка исследовательских подходов к ним, дискуссии по поводу их наименований – узел взаимосвязанных проблем, вызывающих постоянный, с годами неугасающий интерес у отечественных этнографов. Их актуальность объясняется тем, что этнолокальные исследования подобны микроскопическим исследованиям, с помощью которых отчетливее и детальнее можно представить особенности формирования традиционной культуры этноса, а от них выйти на новые исследовательские рубежи, выявить скрытые явления в этнической истории народа и его этнокультурных контактах. В то же время следует заметить, что тема этнолокальных групп получила неравномерное освещение в этнографии различных народов. В этом плане, например, вепсоведение существенно отстает от родственного кареловедения, переживающего уже второй этап этнолокальных исследований. Основные итоги современного изучения вепсов кратко можно определить как появление исследований об этносе в целом; о некоторых сферах вепсской традиционной культуры с указанием, насколько позволяют источники, их локальных разновидностей; освещение ряда вопросов у отдельных малых групп. Сводных исследований о традиционной культуре какого-либо территориального подразделения вепсского этноса нет. Диссертация Сергея Борисовича Егорова свидетельствует о начале ликвидации этого пробела. Она представляет собой первую в отечественной науке обобщающую работу, в которой на основе комплекса источников реконструируется и анализируется традиционная культура одной из колоритных вепсских групп – так называемых «южных вепсов», по современному административному положению проживающих в Бокситогорском районе Ленинградской обл. Южные вепсы впервые были выделены лингвистами на основе особого диалекта. Кроме того, их язык и культура - это своеобразный музей культурной архаики, которую отмечали все исследователи, побывавшие в южновепсских деревнях. Именно эти исходные положения и поиск их объяснений явились стимулом для дальнейших исследовательских изысканий С.Б. Егорова.

Автор поставил перед собой цель: дать комплексную характеристику традиционной культуры южных вепсов и выявить ее особенности. В задачи работы входило: исследовать процесс формирования южновепсской группы; определить ее этническую территорию и динамику численности на всем протяжении ее существования;

охарактеризовать хозяйство южных вепсов; их материальную и духовную культуру в контексте связей южных вепсов с русским населением и другими этнолокальными группами вепсов.

Для выполнения сложных задач реконструкции С.Б. Егоров использовал внушительный корпус источников, включающий труды по теории этнических подразделений; дореволюционные и современные работы, посвященные этнографии вепсов и их локальных групп; данные по вепсской истории, археологии, антропологии, лингвистике, прежде всего, - топонимике.

Автор в своих изысканиях опирался также на редкие собрания архивов и музеев Санкт-Петербурга, Тихвина, Пикалева. Особую значимость представленной диссертации составляют оригинальные полевые материалы, которые начали собираться С.Б. Егоровым среди вепсов почти 25 лет назад в многочисленных научных экспедициях, организованных различными музейными и образовательными учреждениями, прежде всего, кафедрой этнографии и антропологии Санкт-Петербургского университета, на которой диссертант преподает много лет. В настоящее время, когда в результате массовых миграций сельского населения в города происходит стремительное исчезновение вепских деревень вместе с их традиционной культурой, собранные автором полевые материалы представляют бесценный вклад в вепсоведение.

Существуют разные подходы к изучению материала о локальных группах. С.Б. Егоров выбрал один из наиболее распространенных – историко-культурный. Согласно этому подходу, собранные данные, касающиеся различного по масштабу локуса, систематизируются и анализируются по традиционным этнографическим рубрикам, которые необходимы для емкого описания этноса: этническая история, современное состояние южновепсской группы, хозяйственные занятия и промыслы; материальная культура, включающая жилищно-поселенческий комплекс, одежду, пищу, утварь; данные о семье, обряды жизненного цикла, праздники и календарная обрядность, традиционные верования. При рассмотрении материала учитывалась историческая динамика и ареальная специфика, которую автор выявлял, применяя методiku сопоставительного анализа с другими вепскими и русскими этнолокальными группами.

Всесторонний анализ южных вепсов автор резонно начал с определения содержания понятия «этнолокальная группа». Анализируя существующие определения этого термина в отечественной этнографии, Сергей Борисович предлагает свою трактовку, основанную на собственном опыте многолетних исследований этой проблемы. Не вызывает возражений мнение автора, что первоначальным признаком этнолокальной группы всегда будет территориальное выделение, т.е. сосредоточение на обособленной,

относительно небольшой территории, в рамках которой происходит формирование хозяйственных и культурных особенностей населения, отличающих его от жителей соседних регионов. Признаками этнолокальной группы являются также преобладание внутренних связей, эндогамия и численность не менее нескольких сотен человек.

К числу важных результатов диссертационного исследования следует отнести реконструированную модель этнической истории южных вепсов. На основе топонимических, археологических и исторических данных, а также проведенного географического анализа автор пришел к следующим выводам: предки вепсов расселились на южновепсской территории из Юго-Восточного Приладожья не позднее XI в. На новом месте происходил процесс постепенного растворения автохтонного древнесаамского населения среди новых поселенцев прибалтийско-финского происхождения. В дальнейшем языковые и культурно-бытовые особенности южных вепсов формировались в процессе их длительного пребывания в рамках отдельных административных единиц. Начало дифференциации было положено в период средневековья, когда южновепсская территория вошла в состав двух погостов Обонежской пятины: Койгушского и Пелушского (с.42-45).

Привлекая для своих этногенетических построений данные вепсской этнонимии, автор представил довольно любопытную этимологию происхождения слов «кайван» и «чухарь». На примере широких сравнений с другими народами он показал, что в основе происхождения этих этнонимов лежит универсальная географическая оппозиция «верх-низ» (с. 54).

Очертив географические, социальные и административные границы южновепсской группы, автор логично перешел к исследованию ее связей с внешним окружением – русской крестьянской средой и городом (Гл. 1, § 3). Оперирование историко-этнографическими, топонимическими и фольклорными источниками позволило ему продемонстрировать слабые связи южных вепсов с городом на протяжении XIX в., определить усилившееся русское влияние на этой территории только к рубежу XIX-XX вв. Этот вывод стал важным преддверием для перехода к научному описанию традиционной культуры южных вепсов.

В следующей главе С.Б. Егоров воссоздает картину комплексного ведения хозяйства южных вепсов в XIX - начале XX в., обосновывая его комплексность неблагоприятными географическими и климатическими условиями. Наряду с основными занятиями южных вепсов - земледелием в форме подсеки и трехполья и животноводства, существовал и ряд подсобных: рыболовство, охота, собирательство, а также различные промыслы. В работе представлено подробнейшее описание земледельческих процессов у

южных вепсов, позволяющее увидеть их особенности и архаичные черты. Как отмечает автор, «до XX в. здесь сохранялся более архаичный способ разработки подсеки со сдираанием коры на растущих деревьях для их засушивания, до 1930-х гг. использовалась ... только борона-суковатка. Более низким по сравнению с соседним русским населением был уровень развития огородничества» (с.91).

Большая работа была проделана С.Б. Егоровым по выявлению промыслов на южновепсской территории. В диссертации впервые представлена детальная характеристика различных видов деревообрабатывающих промыслов, кузнечного дела, набойного, валяльного, кожевенного и глинобитного производств, прядения, ткачества, кружевоплетения. По выводу автора, все они не были ориентированы на товарное производство. Благодаря замкнутости быта, в них дольше сохранялись старинные черты.

Последующие разделы диссертации, посвященные материальной и духовной культуре южных вепсов, содержат новые факты, демонстрирующие консервацию древностей в южновепсской культуре. Например, традиционные средства передвижения: плоты, лодки-долбенки, сани, волокуши, лыжи, которые у соседнего русского населения либо перестали употребляться вообще, либо использовались ограниченно, у южных вепсов продолжали сохранять свое значение до конца XX в. В одежде автор отмечает более продолжительное бытование балахона, вязанных одной спицей варежек и чулков, наголенников. В этот перечень хотелось бы добавить также ношение сарафана и разновидности лаптей – ступней (*stupnäd*) в качестве праздничной обуви.

К заслугам автора можно отнести и выявленные сходства и отличия между вепскими группами, важные для этногенетических построений. Например, у южных вепсов не были зафиксированы одеяльные юбки, распространенные у северных вепсов и южных групп карелов (с.152). Главным послесвадебным угощением зятя у тещи в южновепсской группе были гороховые блины, у северных вепсов – пряженые пироги из белой муки (с.164). Эти факты наталкивают на мысль о влиянии южных карелов на культуру северных вепсов. Фиксация такой детали похоронной обрядности южных вепсов как дар первому встречному во время движения похоронной процессии на кладбище – еще один яркий факт тесных связей южной и капшинской групп вепсов.

В целом, основные положения диссертации прошли солидную апробацию на многих международных и общероссийских научных конференциях и конгрессах. Результаты исследования нашли отражение в большом количестве публикаций диссертанта, среди которых особой строкой следует выделить пользующуюся невероятной востребованностью у ученых, работников культуры и образования, аспирантов и студентов коллективную монографию «Прибалтийско-финские народы

России» (М., 2003). В ней С.Б. Егоров является автором двух разделов, посвященных традиционным средствам передвижения и пище у вепсов.

Опыт представленного в диссертации описания и сопоставительной методики может быть использован для изучения локальных групп у других народов России. Диссертант обоснованно обозначил и широкое пространство практического применения результатов своего исследования: музейная, преподавательская и научно-исследовательская деятельность, различного рода государственные экспертизы.

Положительно оценивая представленную работу, позволю высказать автору некоторые замечания и пожелания:

1. В главе 1. автор достаточно подробно излагает практически все на сегодняшний день существующие гипотезы о происхождении вепсов. На этом фоне удивляет немногословность диссертанта в отношении вепсской теории происхождения И.И. Муллонен. С.Б. Егоров отмечает только, что гипотеза А.Н. Башенькина «находит подтверждение в топонимических исследованиях И.И. Муллонен»; по его мнению работы А.Н. Башенькина и И.И. Муллонен «на настоящий момент отражают наиболее объективную картину формирования вепсов» (с.31). Между тем, теория происхождения И.И. Муллонен на сегодняшний день является самой обоснованной и утвердившейся. На основе анализа вепских названий поселений, оформленных л-овым формантом - общепризнанным показателем более раннего времени оседлого заселения территории в прибалтийско-финском языкознании, их полного согласования с лингвистическими и археологическими материалами, И.И. Муллонен подтвердила и дополнила теорию прибалтийско-финского происхождения вепсов, в том числе касающуюся прародины этого народа, которую она локализует в южном Приладожье. Позже, в I тыс. н.э. вследствие славянской колонизации весь была оттеснена в восточном направлении (т.е. с запада на восток). Распространение вепсов в Межозерье началось по Ояти, с нижнего ее течения в верхнее. Этот факт подтверждается и данными языкознания: средневепские говоры Ояти ближе к прибалтийско-финскому языку-основе, чем говоры других вепских регионов. Теория А.Н. Башенькина, от которой, кстати, он позже отказался, принципиально отличается от теории И.И. Муллонен. По мнению исследователя, прародина вепсов находилась в Белозерье, откуда (т.е. с востока на запад) древние вепсы были сдвинуты славянами в верховья Суды, Ояти и Паши, заселенные каким-то прибалтийско-финским населением.

2. Вызывает сожаление также выбранная диссертантом изначальная позиция написать 3 главу о духовной культуре южных вепсов преимущественно на основе собственных полевых материалов, которая мотивируется тем, что эта тема хорошо

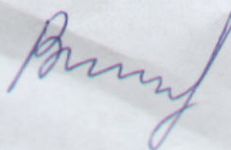
разработана предшественниками (с. 9). Однако в этой главе нужно было давать не повторное описание предшественниками некоторых явлений, а полученные результаты их изучения. В этом случае автору удалось бы достичь бóльшей полноты излагаемого материала, дополнить выводы более яркой аргументацией. Например, у южных вепсов обнаружены архаичные верования и ритуалы, связанные с животным миром. Взять хотя бы стойкое сохранение обычая отрубать хвосты у кошек, представление о душе в виде «красивой бабочки» (*baskaine lipkoine*), подражание бараньему бляню во время раскатов грома и др. Важным дополнением к описанию свадьбы могла бы стать также предсвадебная баня невесты, которая в работе не упоминается. Примечательно, что южные вепсы – приверженцы печной гигиенической традиции на первых порах отвергали бани и предпочитали мыться в печах, но при этом постепенно включали в свой свадебный ритуал обрядовую баню невесты. Ничего не сказано и об особом южновепском свадебном персонаже *kuziburak*.

3. Следует соблюдать некоторую осторожность относительно выводов о локализации явлений. Например, мифологический персонаж *ličkäine* (*ličkeine*), представляющий собой персонификацию ночного кошмара, был распространен не только у южных вепсов, как утверждает автор (с.206), но и у средних вепсов (достаточно обратиться хотя бы к диалектному «Словарю вепского языка» М.И. Зайцевой и М.И. Муллонен, с.288).

Указанные замечания легко устранимы и не меняют общей положительной оценки рецензируемой работы. Автор справился с намеченными задачами. Автореферат соответствует основному содержанию диссертации.

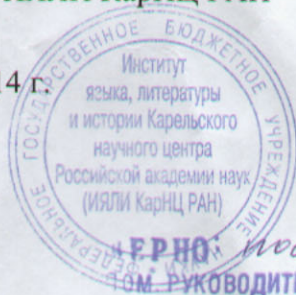
Таким образом, диссертационная работа С.Б. Егорова «Традиционная культура южных вепсов», представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук, отвечает всем требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а автор заслуживает присвоения искомой степени кандидата исторических наук по специальности – 07.00.07 – этнография, этнология и антропология.

Официальный оппонент,
доктор исторических наук,
зав. сектором ИЯЛИ КарНЦ РАН

И.Ю. Винокурова

7 октября 2014 г.

И.Ю. Винокурова
руководителя
07.10.2014